

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

*Л. А. Джапаридзе,
Е. А. Джапаридзе.*

На карте Грузии есть малоприметная точка — древнее селение Шардомети. Оно затерялось среди горных хребтов, своими вершинами достающих облака. Селение, как селение. Но оно бесконечно дорого нам — в нем родился и жил наш отец — Алеша (Прокофий) Джапаридзе.

Случилось так, что в течение долгих лет мы не могли выбраться на родину отца и лишь в 60-х годах сумели там побывать. В Шардомети нас ожидало немало приятных встреч со старожилыми, рассказавшими много интересного об отце, имя которого носит местный колхоз.

90-летний колхозник Иоба Чиквинадзе оказался одноклассником отца, его школьным товарищем. «Пакия (так звали они отца в детстве), — рассказывал Чиквинадзе, — был удивительным мальчиком — смелым, решительным, живым, как ртуть. Он был замеча-

тельным товарищем, — продолжал Чиквинадзе, — добрым и отзывчивым. Увидел, что у товарища куртка рваная, отдал ему свою, не имея другой».

В соседней деревне Дзеглеби посчастливилось поговорить с двумя дальними родственниками, Григорием и Ладо Джапаридзе, помнившими отца.

Ладо рассказывал о другой школе, в Сацхениси, где учился отец. Эта общеобразовательная школа обучала и ремеслам. В ней отец научился сапожному делу. Узнав об этом, мы поняли, почему, находясь в сибирской ссылке, отец сумел устроиться на работу в сапожную мастерскую, о чем он сообщал нам в одном из писем.

Надо сказать, что отец всегда освобождался от платы за обучение, как говорили в то время, учился «на казенный кошт». Объясняется это не только тяжелыми материальными условиями семьи, но и блестящими способностями юного Прокофия.

Григорий Джапаридзе учился с отцом в учительской семинарии. Он вспоминал, что отец рано увлекся марксистской литературой.

— Однажды, — рассказывал наш собеседник, — вызывает меня директор семинарии и заводит такой разговор: ваш однофамилец Прокофий Джапаридзе огорчает наставников. Человек замечательных способностей, перед ним открыто блестящее будущее. Но вот занимается не тем, чем нужно. Так не могу ли я на него повлиять. Повлиять? Легко сказать...

— Через некоторое время, — продолжал Григорий, — в класс явился директор и, обра-

щаясь к П. Джапаридзе, сказал: «Ну, что ж, Прокофий, вынужден отдать Вас в руки жан-дармов... Собирайтесь!..»

Это был первый арест отца. Оказалось, что он был в числе организаторов забастовки тифлисских рабочих.

Если так можно сказать, мне — Люции, повезло, я была в ссылке с отцом два года. Елена в это время жила в деревне у бабушки.

Мы поселились в Великом Устюге в небольшом домике с мезонином. Здесь, в ссылке, отец меня, маленькую девочку, учил грамоте, приохотил к чтению. И я сразу поступила во 2-й класс, хотя держала экзамен в первый. Почти всегда вместе со мной занимались еще несколько детей ссыльных. Эти занятия остались в памяти у всех, кому выпало счастье учиться у отца.

Иногда устраивались прогулки в лес, куда брали и нас, детей. Мы собирали цветы, ягоды, грибы, а взрослые тем временем, вероятно, решали дела посерьезнее. Я помню, что в Устюге у нас на квартире бывали обыски, и отца иногда забирали. По рассказам находившихся там же в ссылке гг. Борисова, Козлова, Базанова, ссыльными проводились собрания, на которых отец выступал с докладами. Он проводил занятия по различным вопросам, по их словам, очень интересно и доходчиво.

Наступает 1914 год и отец с матерью и сестрой возвращаются из Вологодской ссылки. Бабушка, тетя Вера — сестра папы, и я — Елена — из деревни едем в Тифлис встретить их. Я не помню отца, и, видимо, чтобы не было суматохи, меня на вокзал не взяли. С балкона

вижу — идут! Я бросилась вниз и бегу так, что падаю у их ног. Отец подхватывает меня... То ощущение, те чувства, которые охватили меня — ребенка, были так сильны, настолько врезались в память, что, кажется, я сейчас могу восстановить всю картину их появления. У меня с сестрой складывались сложные отношения — она говорила только по-русски, я только по-грузински. Но очень скоро мы начали понимать друг друга.

Жизнь была трудная. Насколько тяжелая, можно судить по такому факту. Сестра заболела скарлатиной и ее отвезли в больницу. Потом мы все собрались: мама, бабушка Анна, отец и я, а в доме нет ничего. Но отец, как всегда, не унывает. Он ищет и находит у себя в кармане несколько монет. На них покупается хлеб, сыр, чай. Вот мы и сыты...

Отцу не удается устроиться на работу. Как не раз бывало, пришла на помощь двоюродная сестра отца Като Бакрадзе, большой друг всей семьи. Учительница, она помогла отцу получить частные уроки.

Маму берут преподавательницей в частную гимназию Левандовских. Это дает возможность нам, детям, учиться и даже получать завтраки бесплатно. Заработок матери невелик, и ей тоже придется брать дополнительные частные уроки. Но как ни трудно было, у нас в семье постоянно жили то племянница и племянник папы — Ванто и Талали, то мамини младшие сестры — Анета и Тамара. Тамара всю свою жизнь прожила в нашей семье. В одном из сибирских писем отец просит поцеловать «наконкилку». Так отец звал Тамару, ко-

торая, не умея тогда говорить по-русски, называла конку «наконкилой».

Стоит ли говорить, как отец любил семью. Он старался как мог облегчить ее положение, помочь матери, даже в ее работе учительницы. Иногда по ночам он вместе с мамой проверял тетради. Отец, как мы можем судить по рассказам матери, его друзей, по нашим собственным, пусть детским, впечатлениям, был не только отважным революционером, но и прекрасным педагогом, рассказчиком, он замечательно читал стихи, хорошо стрелял, играл в шахматы, словом, был очень разносторонним и интересным человеком.

Удивительно, как в отце и матери душевные качества сочетались с их внешним обликом. Поистине слова А. П. Чехова о том, что в человеке все должно быть прекрасно, целиком можно отнести к ним.

1914 год. Первая империалистическая война. По возвращении из ссылки отец сразу включается в революционную работу. Наша квартира все время полна людей. Мы помним Сережу Кавтарадзе, Ованеса Лазьяна, Джаваиру Петросян (сестра Камо), Павла Сакварелидзе и многих других.

События разворачиваются так, что за отцом начинается жандармская слежка. Он переходит на нелегальное положение и уезжает в Гори.

Мы могли видеть его лишь по воскресным дням. Отец, любивший дальние прогулки, брал нас с собой, показывал старинные крепости, рассказывал об истории родного края, о на-

родных героях. Эти дни оставили глубокий след в памяти.

Но и такая «совместная» жизнь длится недолго. В мае 1915 года отец снова был арестован.

И начались для матери и бабушки Анны, да и для нас, детей, дни полные тревог, походов в тюрьму с передачами, ожидания свидания с отцом. Сохранилось у нас одно письмо этого периода из тюрьмы. Начинается оно следующими словами: «Возможно, мы здесь не увидим друг друга*. Поэтому пишу... из здешней тюрьмы. Сегодня суббота. 27-го отказали в свидании».

Письмо полно тревоги за всех нас. Особенно отца волнует состояние его матери. «Меня очень, — пишет он, — беспокоит судьба матери. Я замечаю, что она совсем упала духом... Я боюсь, что ее не увижу больше... Моя просьба, по возможности, почаще и подольше пусть будет с вами... Дети немного ободрят ее, и если кое-что Люси скажешь в этом духе, — то это будет громадное утешение ей». Желая ободрить мать, он пишет, обращаясь к ней, что разлука продлится недолго и они скоро увидятся.

А нам, дочерям, пишет: «Если не буду получать хорошие известия о вашей учебе, то буду огорчен и опечален. Но ведь вы этого не хотите, так порауйте меня». На письме штамп: «Просмотрено в камере прокурора суда».

20 июля его отправили по этапу в ссылку, в Енисейскую губернию.

* Предстояла отправка в Сибирь. — *Ред.*

Не успевали выслать его из одного города в другой, как опять следует арест и ссылка дальше. Еще не доехав до места ссылки, он уже думает о побеге и пишет матери о «полете» и о том, что ему для этого нужны «очки» (паспорт) и «орехи» (деньги). Просьба его быстро выполняется. Племянница отца Ванто дала маме собранные по крохам деньги. Вместе с нашими скудными средствами деньги и паспорт направляются с помощью Джавайры, сестры Камо, в псалтырь и с надписью «Дорогому папочке от дочек» отправляются в Сибирь. И вот уже известие от отца: «С трудом сiju: слышу «клич борьбы»... тянет, страшно тянет... Надо быть там...» Все, что нужно для «полета», получено», — сообщает он в другом письме.

После побега из сибирской ссылки отец тайно приехал в Тифлис, где провел несколько дней. В доме фактически не жил. Придет на несколько часов днем или поздно ночью. Утром просыпаемся, а его уже нет. Счастью нашему детскому, казалось, нет предела, но оно было омрачено предстоящей разлукой и еще тем, что нам строжайше запрещалось называть отца — отцом. Нужно было говорить «дядя», а это очень трудно. И все же те дни поныне живы в нашей памяти. Помним, как отец подолгу расспрашивал об учебе, о том, с кем дружим, что читаем.

Он великолепно знал литературу, любил поэзию и передал эту любовь нам. Мы писали о том, что ему присущ природный дар педагога. Вот и здесь он сказался в полной мере. Отец научил нас любить и понимать настоя-

щую литературу, составлял списки книг, которые нам стоит прочесть, расспрашивал о прочитанном. Увидев в руках одной из нас книжку пошлой, хотя популярной в то время писательницы Чарской, он, рассердившись, выбросил книгу. Он говорил, что нам много надо прочесть и познать, что жаль, да и вредно тратить время на чтение пустых, бессодержательных книг.

Однажды я, Елена, не могла решить задачу и хотела попросить отца помочь. Но как это сделать, если он приходит поздно? Тогда я написала ему записку с условием задачи и с просьбой решить. На утро на этой записке был ответ примерно следующего содержания: «Задача не сложная, подумай хорошенько и решишь сама».

Жаль, обидно, что так мало мы были с отцом! И все же многое сохранила память.

Отрывки из любимой поэмы отца «Мцыри» и стихотворение Лермонтова «Парус» мы помним с тех дней, и строки «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой» — строки любимые отцом, созвучные всему его облику. Он не мыслил себе жизни без борьбы.

В письмах из ссылки он просит маму разыскать и прислать «За 12 лет» Ильина (имеется в виду сборник статей В. И. Ленина), учебник шахматной игры, «Вепхвис ткаосани»* и какой-либо томик Акакия Церетели. Мы и сейчас без волнения не можем читать письма отца, большинство которых написано с трогательной нежностью, с думой о будущем.

* «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Вот письмо, отправленное из Енисейска 10 апреля 1916 года, адресованное нашей матери:

«Почему я не с вами, чтобы прижать к груди тебя и наших двух девочек и радоваться всем вместе? Но, по-моему, очень мало сейчас честных людей, которые радуются. Разве можно во время этого всеобщего горя и истребления людей веселиться? Правда, и в такое время быть вместе хорошо. Это почти непременно необходимо, но что делать, если это невозможно?»

Нам остается крепиться, думать и заботиться о будущем».

Особенно запомнилось письмо отца к Люции, истинный смысл которого до нас дошел значительно позже. Письмо было написано ко дню рождения Люции. Оно поражает своей поэтичностью. Называя ее «своим любимым первенцем, своей надеждой», объясняя, в чем смысл имени, которым она была названа, — в честь революции — он пишет: «Когда ты родилась, я был полон надежд... поэтому назвал тебя Люцией... От тебя ожидаю многого... Буду надеяться, моя хорошая Люцико, что когда увижу тебя, ты обрадуешь меня тем, как много усвоила в мое отсутствие».

А вот и второе письмо к нам:

«Мои дорогие, любимые деточки Люция и Елена!» Обращаясь к нам, отец в этом письме советует Люции: «Заведи дневник... Записывай в этой тетради то, что твое внимание будет привлекать — из жизни в школе, дома, о книгах, которые будешь читать и т. д... Приеду — прочту и получится так, что как будто я все

время был с тобой». Обращаясь к Елене, он пишет: «Ты, наверное, скучаешь, что дома остаешься, а Люция ходит в школу? Ну, ничего, дорогая, учись прилежно, старайся, и в мае месяце поступишь сама в гимназию». И заканчивает письмо словами: «Ну, живите ладно между собой и берегите маму».

Когда мать посылала ему посылки, всегда что-то вкладывала и от нас, детей, чаще всего это были конфеты. Мы аккуратно писали в ссылку отцу письма. И он всегда отвечал нам.

Вот еще одно из его писем:

«Мои дочурки Люцико и Елена! Получил посылки, получил ваши письма, получил конфеты и все-все в исправности. Значит, не так далеко и ужасно — все получается. Конфеты разделил всем моим знакомым, досталось помалу, но «хорошего понемногу». Все шлют вам спасибо за конфеты, а я целую за каждую конфетку тысячу раз — довольны?»

В другом письме отец призывает ближе знакомиться с жизнью детей бедных родителей, читать книги о них, посещать крестьянские дома, присматриваться к обстановке, образу жизни. Он предлагает описывать все виденное. «Вырастешь, — пишет он Люции, — все это понадобится».

Отец любил и бесконечно уважал свою мать. Помним, как мы обе были с позором изгнаны из-за стола за то, что позволили себе рассмеяться, когда бабушка начала молиться перед едой. Она была очень религиозна. Получали письма не только мы с мамой, но и бабушка и тетя Верочка. В 1917 году перед отъездом в Баку он сумел навестить их в де-

ревне Аргвети и эта была их последняя встреча.

Нам бы хотелось дополнить образ отца еще несколькими штрихами. Отдавая себя целиком революционной работе, он постоянно учился, следил за всем новым, что появлялось в марксистской литературе. Он читал в подлиннике произведения К. Маркса и Фр. Энгельса. Немецко-русский словарь, которым он при этом пользовался, сохранился у нас до сих пор. Работая в Баку, отец овладел азербайджанским языком для живого общения с азербайджанскими рабочими.

Отец постоянно занимался с товарищами и в тюрьмах и в ссылках, а в Великом Устюге, как мы уже писали, очень много времени уделял учебе с детьми ссыльных. При этом делал все с большой любовью.

Ученицей отца была Поля Андреева, дочь замечательного революционера-рабочего. Мы переписываемся с Клавдией Обуховой, маленьким ребенком слушавшей объяснения отца; эта замечательная женщина — Герой Социалистического Труда, участница Великой Отечественной войны, в настоящее время заведует районной больницей.

Перед нами лежит старая фотография. На ней запечатлено много детишек, в том числе Клавдия Обухова, Поля Андреева и Люция. Эту фотографию отец послал матери из Великого Устюга с надписью на грузинском языке: «Они тоже ссыльные».

Любовь к детям у отца была какая-то удивительная, трогательная. Он не мог спокойно переносить ребячьи слезы, не допускал, чтобы

детей кто-то обижал. И сколько же ему пришлось переживать несчастных детей, которые следовали вместе с родителями в ссылку. Как мог, он старался облегчить их участь.

Помню, как я, Елена, тяжело заболела и находилась в больнице. И, вдруг, радость! Появляется отец. Не таким, как обычно, а встревоженным. Оно понятно. Будучи на нелегальном положении, он все же сумел найти возможность навестить меня. Отец на этот раз был строг, расспрашивал, как веду себя, требовал выполнения предписаний врача, главное — советов матери. Тогда, говорил он, скоро выздоровеешь и будем опять все вместе дома. Но, увы! Едва меня выписали из больницы, отец был посажен в Метехскую тюрьму, и мы его увидели только на свидании, через решетку.

Мы уже писали, что отец в 1916 году бежал из ссылки. Февральская революция застала его в Трапезунде, куда он прибыл по заданию партии для работы в армии. Оттуда отец приехал в Тифлис. Но очень скоро, в апреле 1917 года, по просьбе Бакинской большевистской организации, переехал в Баку.

Осенью 1917 года отец приехал за нами. Вместе с ним был его большой друг Иван Фиолетов. Тогда мы впервые познакомились с этим замечательным человеком. Фиолетов окружил нас вниманием, заботой, учил играть в шахматы, не давал скучать, рассказывал всякие смешные истории и сам от души смеялся. Иван Фиолетов, как и Мешади Азизбеков, Степан Шаумян, Яков Зевин, Виктор Нанейшвили и другие были большими друзьями отца, всей нашей семьи. Они часто бывали в на-

шем доме, где всегда царила атмосфера дружбы, взаимного уважения.

Отца, как и его друзей — товарищей большевиков, отличала удивительная скромность и взыскательная требовательность к себе. Даже в самое тяжелое голодное время отец, председатель Бакинского Совета, народный комиссар внутренних дел и продовольствия Бакинского Совнаркома, категорически отказался от каких бы то ни было привилегий. Члены его семьи не имели права пользоваться служебной машиной. Бывали случаи, когда рабочие-рыбаки приносили нам рыбу, которую тут же мама отпиривляла в детские дома.

Нам отец запомнился человеком исключительной работоспособности. Он трудился много, днем и ночью, хотя здоровье его было очень подорвано. Сказались многочисленные ссылки, аресты, и в 17 — 18 годах у него обострился туберкулез. Надо было щадить себя, но где там! Трудовой день отца был насыщен до предела. Случалось, он уходил на работу с высокой температурой, и никакое недомогание не могло удержать его дома.

Нам часто вспоминается Первоймай 1918 года в Баку. В этот день должен был выступить отец. Как же не услышать родной голос!

И вот мы с мамой пробираемся по улицам, спешим, чтобы не опоздать. Наконец, добрались до места. Одна из пас сумела влезть на трибуну и встать неподалеку от отца. Но когда отец начал говорить, а говорил он страстно, увлекательно, переходя из одного конца трибуны в другой, то приходилось с замиранием

сердца следить за тем, чтобы вновь незаметно очутиться поблизости.

Нам кажется уместным вспомнить здесь и о нашей матери, Варо Джапаридзе, члене партии с 1902 года.

Это была удивительная женщина. По-настоящему стойкая, мама учила этому и нас.

Когда мы пришли на вокзал прощаться с отцом перед отправкой его в очередную ссылку, мать запретила нам плакать и сама всем своим видом не выказывала ни малейшего волнения. Она всегда стремилась быть рядом с мужем, помогала ему в работе, вместе с ним боролась с трудностями, невзгодами, лишениями. Достаточно сказать, что и в роковые дни, когда готовилась расправа над отцом и его боевыми товарищами, мать наша находилась в соседней с ним камере, в красноводской тюрьме...

Жен расстрелянных комиссаров в течение нескольких месяцев возили из города в город, из тюрьмы в тюрьму. Долго держали в Ашхабаде и только по настойчивому требованию бакинских рабочих, наконец, освободили... Мать в течение всего этого тяжелого времени и безысходного горя держала себя стойко и мужественно. Надо к этому добавить, что мать ничего не знала о нашей судьбе.

Лишь потом, после опасной поездки на парусной лодке по Каспию в Астрахань вместе с Серго Орджоникидзе и его женой Зинаидой Гавриловной, Камо и другими, мать узнала, что мы живы, что нас приютила семья Виктора Нанейшвили.

Мать бережно хранила дорогие нашей

семье реликвии, связанные с памятью отца. Почти всего лишились мы не раз за эти бурные годы, и как сумела мама сохранить чемоданчик с письмами и отдельными документами отца, уму непостижимо?!

Отец и вся наша семья ждали, что придет время, когда мы будем вместе и никогда уже больше не разлучимся. И, казалось бы, такое время действительно настало. Свершилась Великая Октябрьская революция. Но еще предстояло выдержать немало испытаний.

В преддверии мартовских событий 1918 года в Баку становилось беспокойно. В один из этих дней мы вместе с Павлом и Марией Нанейшвили были где-то вне дома, когда в городе началась стрельба. Нас разыскал Ваню Николайшвили (помощник отца) и привел всех домой. Целую неделю Павел и Мария провели у нас, т. к. пройти к себе они не смогли. В эти же дни к нам во двор группа бандитов стала загонять грузчиков-азербайджанцев и собиралась учинить над ними расправу. Мать, увидев все это в окно, сразу сообщила отцу, который очень быстро приехал с отрядом вооруженных товарищей и кровопролитие было предотвращено.

В апреле 1918 года возле нашего дома ночью на отца было совершено покушение. Благодаря находчивости и смелости Ваню Николайшвили, отцу удалось спастись. Узнав о нападении, к нам тут же приехали Степан Шаумян, Ванечка Фиолетов и еще несколько товарищей.

Здесь уместно вспомнить рассказ матери о том, как погиб Ваню Николайшвили. Среди

тех, кого в Красноводске сняли с парохода, вначале не было Ваню. Но он заявил, что как большевик и близкий Алеше Джапаридзе человек должен находиться вместе с ним. С этого момента он стал одним из «26» и до конца разделил судьбу отца.

Настало тревожное, страшное время лета 1918 года. Временно пала Советская власть в Баку.

У причала стоял пароход. Среди отъезжавших находились и семьи руководителей Бакинской коммуны, в том числе и наша. Пароход направлялся в Астрахань. Пришел на борт судна отец, пришел прощаться с нами. Никогда раньше, даже в самые тяжкие дни, мы не видели его таким озабоченным, таким взволнованным. Это была наша последняя встреча. Мать отвезла нас в Астрахань и, узнав об аресте отца, вместе с женой И. Фиолетова вернулась в Баку.

Долгое время мы ничего не знали о судьбе родителей. И только в 1919 году до нас дошла страшная весть о гибели отца и его товарищей, многих из которых мы хорошо знали и очень любили. Летом 1919 года, после освобождения из тюрьмы, мама приехала к нам, в Москву, где мы жили у Екатерины Сергеевны Шаумян.

После восстановления Советской власти, на первом своем заседании Бакинский Совет решил перевезти из-за Каспия останки погибших и пригласил их семьи принять участие в похоронах. Мы с матерью приехали в Баку. Мама вместе с Суреном Шаумяном и другими товарищами поехала в Ашхабад, откуда на пароходе привезли дорогие останки.

Встречать траурный пароход и проводить в последний путь «26», 26 гробов, покрытых красным кумачом, вышел весь трудовой Баку.

8 сентября 1920 года при участии делегатов 1-го съезда пародов Востока состоялись похороны «26».

Этот день нам не забыть никогда.

Прошли годы. Мы летим в Баку, где отмечается 60-летие со дня гибели бакинских коммунаров. Баку, родной наш город, здесь мы родились, здесь прошли наши последние дни с отцом. Мы идем по тем же улицам, по которым ходили в 1917 — 18 годах, заходим в дом, в котором жили. Этот дом бесконечно дорог нашему сердцу. Здесь организуется музей-квартира П. А. Джапаридзе. Идем дальше, к площади, где воздвигнут мемориал, в центре которого замечательный скульптурный портрет рабочего с Вечным огнем в руке. «Рабочий, как бы держит в надежных руках, — пишет азербайджанский поэт Юсуф Азим-заде, — огонь двадцати шести сердец, протягивая его людям в наше сегодня».

Это место стало священным.

Мы получаем много писем буквально со всех концов Советского Союза. В них просят прислать материалы, фото, а то и просто приехать, чтобы рассказать о том, что живо в памяти об отце. Где бы мы ни бывали, мы чувствуем — светлые образы 26-ти комиссаров живы в памяти народной, по ним равняет свои шаги молодое поколение.

Печатается впервые